

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ТЕОРЕТИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРОБЛЕМА. ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСТВА В. ПЕЛЕВИНА

Джулдызай Калдыбаева

Преподаватель Чирчикского государственного педагогического института

АННОТАЦИЯ

Данное исследование посвящено контексту в русской постмодернистской литературе. Это направление занимает главенствующую роль в конце XX — начале XXI века. Его истоки лежат в творчестве таких писателей как А. Битов, А. Терц. Постмодернизм получает дальнейшее развитие в прозе С. Соколова, Вик. Ерофеева, поэзии Д. Пригова, Л. Рубинштейна, И. Иртеньева и многих других авторов. Последнее десятилетие принадлежит таким сравнительно молодым писателям как В. Пелевин, В. Сорокин. Главная заслуга постмодернизма в том, что он вернул литературу массовому читателю. Существенная роль в популяризации этого литературного направления принадлежит средствам массовой информации, благодаря которым постмодернизм входит в жизнь современного человека. Удивительно, но это практически единственное направление в литературе, которое «живет» реально, оказывая значительное влияние на наше мировоззрение и отношение к жизни.

Ключевые слова: литература, творчество, роман, произведения, Пелевин

ВВЕДЕНИЕ

Наиболее заметная фигура современной постмодернистской литературы – Виктор Пелевин. Начавший печататься в середине 80-х годов, в 1993 году он уже получил премию «Малый Букер» за сборник рассказов «Синий фонарь» 1992 года. Сегодня Пелевин культовая фигура для целого поколения, кумир, определяющий «стиль жизни». В то же время два последних наиболее значительных романа писателя - «Чапаев и Пустота», «Generation „П“» - не попадают даже в номинанты престижных премий. Критики-законодатели всерьез не откликаются на творчество Пелевина, относя его к «промежуточной зоне между массовой и «настоящей» литературой». Но Р Ирина Роднянская попыталась преодолеть это своеобразное табу на исследование «феномена Пелевина» в новомировской статье «Этот мир придуман не нами» (1999. - № 8. - С. 207). Она убеждена, что Пелевин - писатель вовсе не коммерческий. Все, о чем он пишет, по-настоящему задевает и волнует его. Роднянская опровергает

уже закрепленное за Пелевиным амплуа писателя-рационалиста, холодно моделирующего виртуальную реальность в своих произведениях. Роман «Generation „П“» (1999) . Писатель - не только ядовитый критик современной цивилизации: он аналитик, констатирующий ее трагическую тупиковость. Речевое ерничество, пародийность, виртуозность композиции, лишенной линейной определенности, вольно разрываемой вставными эпизодами, - не постмодернистские приемы, не отказ от писательской ответственности вообще, а способ предупреждения об опасности, которая грозит человечеству. Подмена живой жизни виртуальной реальностью . «Телевизор, - пишет Пелевин, - превращается в пульт дистанционного управления телезрителем... Положение среднего человека не просто плачевно - оно, можно сказать, отсутствует...». Но и сам автор нередко попадает в плен созданной его фантазией художественной реальности. Авторская позиция, несмотря на прозрение трагических коллизий современности, внутренне противоречива. Игровое начало увлекает писателя: жизненные поиски героя романа циника Татарского мистифицированы. Писатель мифологизирует «конец реальности». «Игра» и реальность неразделимы в его романе.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНАЛИЗ И МЕТОДОЛОГИЯ

Наибольший интерес у читателей вызвал роман Пелевина «Чапаев и Пустота», роман, в котором пародируется героическая революционная история. Тема идеологического давления на человека у Пелевина глубоко социализирована. Поэт в пелевинском романе избирает псевдоним Пустота. Пустота - это когда раздвоенность между «образом мысли» и «образом жизни» достигает такого предела, что уже нечем жить, кроме как забыть себя или прийти к своей полной противоположности, т.е. к небытию в окружении еще живых, изменивших самим себе, но приспособившихся. «Пустота» - это пелевинская формула душевного опустошения. Советская история, по Пелевину, породила в человеке Пустоту. В постмодернизме вообще переосмысливается сложившаяся в веках антитеза «истории и литературы как факта и вымысла». Придуманый писателем хаотичный и фантастический мир, в котором существуют персонажи Чапаев, Анна, Петр, по Пелевину, и есть реальность. Известные же нам исторические события иллюзорны. Наши привычные представления о них рассыпаются под натиском вымысла. Пелевин, протестующий против идеологических догм, абсурдности закрепощающей человека системы, всегда устремленный к свободе, как это ни парадоксально, идеологичен и свободы не

достигает. Он никак не может освободиться от власти идеи абсурдности советской истории и даже исторического сознания вообще. Отсюда необычайная рационалистичность, продуманность всех внутренних ходов произведения, и как закономерное следствие - предсказуемость, узнаваемость его писательских «откровений». Эта особенность пелевинского творчества, несомненно, ослабляющая его значимость, просматривается и на уровне художественной концепции, и на уровне приема, образа. В известной повести «Желтая стрела», метафора нашей цивилизации, потерявшей истинные ценностные ориентиры, есть замечательный образ солнечного луча - точная, емкая метафора недопустимости бездарно растрачиваемой красоты и силы. Но беда в том, что автор не может удержать себя в рамках образа: он дополняет его идеей, т.е. разъясняет, комментирует. И этот рационалистический ход обнаруживает авторскую тенденциозность: «Горячий солнечный свет падал на скатерть, покрытую липкими пятнами и крошками, и Андрей вдруг подумал, что для миллионов лучей это настоящая трагедия - начать свой путь на поверхности солнца, пронестись сквозь бесконечную пустоту космоса, пробить многокилометровое небо - и все только для того, чтобы угаснуть на отвратительных остатках вчерашнего супа». В этом весь Пелевин: дерзающий создавать иную реальность, свободный в полете фантазии, иронии, гротеска и одновременно накрепко связанный собственной концепцией, идеей, от которой не может отступить. Постмодернизм в русской литературе конца XX века не вымысел теоретиков, а живая литературная практика. Диапазон постмодернистских поисков - от А. Битова до В. Пелевина - широк и неоднозначен. Свое определенное место в современном литературном процессе постмодернисты прочно заняли.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Первая тематическая идея – критика советского сознания, которая привязана к конкретному социуму (Союзу). В «Омон Ра» разоблачается главный советский миф – космонавтика. Все полёты происходят лишь в воображении советского человека (фабрикация фильмов о высадке на Луну). Символическая сцена: когда мальчики распотрошили макет космического корабля, в котором оказался пластилиновый лётчик. Вокруг него был построен корабль = некое пространство.

Вторая идея – это критика уровня духовности человека, который может, но боится противостоять системе. Приводите пример «Жёлтой стрелы», где

показана система, опять же превращающая человека в винтик. Надо сказать «я хочу выйти из поезда, потому что я свободен».

В "Омон Ра" Пелевин разрушил фундаментальную антитезу тоталитарного общества: "слабая личность - сильное государство". Он разжаловал режим из могучей "империи зла" в жалкого человека, который силу не проявляет, а симулирует. В посвященной "героям советского космоса" повести эту симуляцию разоблачают комические детали, вроде пошитого из бушлата скафандра, мотоциклетных очков вместо шлема или "лунохода" на велосипедном ходу. Однако коммунизм, *неспособный преобразовать, как грозился, бытие, еще надеется преобразовать сознание*. Об этом важном для поэтики и метафизики Пелевина аспекте в повести говорит комиссар космического городка: "Пока есть хоть одна душа, где наше дело живет и побеждает, это дело не погибнет. Ибо будет существовать целая вселенная... Достаточно даже одной чистой и честной души, чтобы наша страна вышла на первое место в мире по освоению космоса".

Пелевин не ломает, а строит. Пользуясь теми же обломками советского мифа, что и Сорокин, он возводит из них фабульные и концептуальные конструкции. Для Пелевина сила советского государства выражается вовсе не в могуществе его зловещего военно-промышленного комплекса, а в способности материализовать свои фантомы. Хотя искусством "наводить сны" владеют отнюдь не только тоталитарные режимы, именно они создают мистическое "поле чудес"- зону повышенного мифотворческого напряжения, внутри которой может происходить все, что угодно.

Окружающий мир для Пелевина - все эти миры не являются истинными, но и ложными их назвать нельзя, во всяком случае до тех пор, пока кто-нибудь в них верит. Ведь каждая версия мира существует лишь в нашей душе, а психическая реальность не знает лжи.

Проза Пелевина строится на *неразличении настоящей и придуманной реальности*. Тут действуют непривычные правила: раскрывая ложь, мы не приближаемся к правде, но и умножая ложь, мы не удаляемся от истины. Сложение и вычитание на равных участвуют в процессе изготовления вымышленных миров.

Информационный мир у Пелевина устроен таким образом, *что чем меньше доверия вызывает источник сообщения, тем оно глубокомысленнее*. Объясняется это тем, что вместо обычных причинно-следственных связей тут царит *синхронический*, как назвал его Юнг, принцип.

Согласно ему явления соединены не последовательно, а параллельно. В таком единовременном мире *совпадения не случайны, а закономерны*.

В поэтике Пелевина не может быть ничего постороннего замыслу потому, что в его мире *случайность — непознанная закономерность*. Текст Пелевина не столько предзнаменование, сколько *паломничество*. Тут все говорит об одном, а значит, и автору, в сущности, безразличен предмет разговора: не материал важен, а его трактовка. Потаенный смысл обнаруживается в любом, в том числе и самом тривиальном сюжете; чем более он избит, тем ярче и неожиданнее оказывается скрытое в нем содержание.

Впрочем, основной тезис всех его книг не принадлежит автору — скорее, говоря по-пелевински, автор принадлежит ему. Речь идет об универсальной для современной культуры *проблеме исчезнувшей реальности*. Решая ее, всякая книга норовит сегодня стать репортажем из бездны. Автор делает читателя свидетелем череды кризисов. Сперва он демонстрирует исчезновение «объективной реальности». Затем на глазах пораженных зрителей автор растворяет в воздухе и субъект познания — собственно личность. Заведя нас в эту гносеологическую пропасть, художник оставляет читателя наедине с пустотой.

Ее-то Пелевин и сделал фамилией героя своего дзэн-буддистского боевика «Чапаев и Пустота». Буддизм в нем — не экзотическая система авторских взглядов, а неизбежный вывод из наблюдения за современностью. Заслуга автора в том, что путь от одной пустоты к другой он проложил по изъезженному пространству. Роман заиграл оттого, что его содержание — буддистскую сутру — Пелевин опрокинул в форму чапаевского мифа.

Взяв фольклорные фигуры чапаевского цикла — Василия Ивановича, Петьку, пулеметчицу Анку и Котовского, Пелевин превратил их в персонажей притчи. Так, Чапаев в его романе стал аббатом, хранителем дхармы, мастером дзэна, учителем, который в свойственной восточным мудрецам предельно эксцентрической манере ведет к просветлению своего любимого ученика — петербургского поэта Петра со странной фамилией Пустота. Нам он больше известен в качестве чапаевского адъютанта Петьки.

Исходным материалом для такой метаморфозы Пелевину послужили бесчисленные чапаевские анекдоты, в которых он увидел дзэновские коаны, буддистские вопросы без ответа, вроде знаменитого «как услышать хлопок одной ладони?».

Каждая из десяти глав романа написана на своем языке, отражающем тот или иной уровень реальности, в рамках которой автор проводит испытание своей правды. Судить о том, удалось ли ему разрешить этот парадокс, Пелевин предоставляет читателю. Себе же, автору, он отводит скромную роль разрушителя иллюзий: «Боже мой, да разве это не то единственное, на что я всегда только и был способен - выстрелить в зеркальный шар этого фальшивого мира из авторучки?»

К тому же, Пелевин анализирует современную действительность, социальную систему:

- Объясняет новую соц.иерархию(новые отношения и ценности);
- Роль СМИ, рекламы (упаковка товара);
- Основные фетиши времени. Гламур.
- Культивирование идеи личной внутренней свободы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очень много места в произведениях Пелевина занимает *социальная критика*. В ранних книгах это была критика советской действительности, коммунистической идеологии и социалистической практики. Лжи и духовному насилию “большого мифа” Пелевин противопоставляет внутреннюю свободу, которую каждый человек может обрести в своем внутреннем мире, в духовной реальности. Но это – не привычная критика тоталитаризма советской власти в сравнении с западными свободами. Еще более жестко Пелевин критикует постсоветскую действительность, “западный” образ жизни, современное общество потребления, утратившее социальные, моральные и духовные ценности. Более того, он очень ярко и убедительно показывает онтологический кризис, то есть кризис всей социальной реальности и самого человеческого бытия. Надо отметить, что в Узбекистане широко и активно развивается филологическая школа [1], что позволяет говорить о большом интересе к изучению русской филологии и преподаванию этой науки [2].

REFERENCES

1. Екабсонс А.В. Время и пространство в современной русской драматургии рубежа XX-XXI веков. Диссертация на соискание ученой степени доктора философии. Ташкент – 2020.
2. Екабсонс А.В. Персонаж как характер и тип в пьесе Евгения Гришковца “Город”//Материалы международной научно-практической

конференции/Проблемы обучения языку и литературе в условиях широкой цифровизации, 1 апреля 2021;

3. Екабсонс А.В. Застывшее время как доминанта хронотопа вечности в пьесе Олега Богаева “Русская народная почта. Комната смеха для одинокого пенсионера”// Литературный процесс на рубеже XX-XXI веков, 42-58, 2021;

4. Екабсонс А.В. Домик как метафора защищенности от окружающего мира в ремейк-пьесе Михаила Угарова “Облом off”//ББК 81 П996, 2019;

5. Екабсонс А.В. Время и пространство в современной русской драматургии рубежа XXI веков//Национальный университет Узбекистана, 2020;

6. Сергеева, Э.С. (2018). Топос как единица художественного пространства произведения. Вестник НУУз 1 (1/3), 470-473;

7. Сергеева, Э.С. (2020). Приём понимания как один из способов интерпретации художественного текста. Academic Research In Educational Sciences 4 (1), 310-314;

8. Кононова И.Ю. специфика вводных и вставных конструкций в русском языке// Ўзбекистонда хорижий тиллар. – 2020. – № 3 (32). – С. 28–41. <https://doi.org/10.36078/1595400305>;

9. Кененбаев Е.Т. Коммуникация и правомерность использования некоторых терминов, связанных с этим понятием//Вестник Челябинского государственного университета, 73-82;

10. Кененбаев Е.Т. Невербальная коммуникация в социальной жизни общества// international scientific review 3(68)ISBN, 56-59;

11. Кененбаев Е.Т. Невербальные средства коммуникации (НСК) в социальных сетях интернета, динамика их развития//ВЕСТНИК Каракалпакского Государственного университета им. Бердаха, 271-274;

12. Тангилова Г. И. Мифологические реминисценции в современной русской прозе (проза А.С.Петрушевской, Л.Улицкой, Н.Байтова) (pp. 40-45);

13. Касимова, А. Б. (2021). Сопоставительный анализ произведений «герой нашего времени» и «посторонний». Academic research in educational sciences, 2(6), 1384-1396. <https://doi.org/10.24412/2181-1385-2021-6-1384-1396>;

14. А.Б. Касимова. Философия «пустоты» в романе «Чапаев и пустота»// Экономика и социум, №1(80) 2021 www.iupr.ru

15. Шакирова, Р. Р. (2020). Категория одушевленности-неодушевленности в современном русском языке. Academic Research in Educational Sciences, 1(4), 1030-1043;

16. Калдыбаева, Д. О. (2021). Методы и технологии обучения. Academic research in educational sciences, 2(4), 1379-1385;

17. Муратов К.К. Анализ сложноподчиненных предложений при изучении синтаксиса. Academic research in educational sciences volume 2 | issue 4 | 2021. Academic Research, Uzbekistan 1371 www.ares.uz; Наркузиева Г.З. Смешанное обучение русскому языку как иностранному//Молодой учёный, 2019/3;
18. Наркузиева Г.З. Обучение студентов к инновационной педагогической деятельности на основе кластера//Суз санъати,(3), 2020;
19. Шагиева Н. The role of information technologies to teach russian language// *European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences*, Vol. 8 No. 7, 2020;